

ЮРИЙ ТЕПЛОВ *Не уходи*

Юрий Теплов

Не уходи...

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Теплов Ю.

Не уходи... / Ю. Теплов — «Мультимедийное издательство
Стрельбицкого»,

ISBN 978-0-35-913235-5

Шарик земной крутится, как и всё мироздание. Не успел оглянуться, а все уже позади. Должно бы и быльем порости, ан нет - дышит, колышется. И трава остается вечнозеленой, будто жизненная непогода ей нипочем. А между тем, пришла пора собирать камни. Смысл этого древнего выражения в том, что время всё расставляет по своим местам. И надо остановиться, оглянуться на прожитые годы и вновь услышать голос Вадима Козина: «Не уходи, тебя я умоляю...»

ISBN 978-0-35-913235-5

© Теплов Ю.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

1953–1955 гг. «Армия – не фунт изюма...»	5
Как родная меня мать провожала...	5
Салаги – первокурсники	9
Антилопа глазастая	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Юрий Теплов

Не уходи...

1953–1955 гг. «Армия – не фунт изюма...»

Как родная меня мать провожала...

Перрон уфимского вокзала гудел нетрезвыми голосами, гитарными аккордами, гармошками, частушками и смехом. Ждали эшелон для отправки призывников. Один вагон предназначался для будущих курсантов военных училищ города Чкалов. Так тогда именовался нынешний Оренбург. В нем располагались два авиационных училища и одно зенитно-артиллерийское.

От товарняка на соседних путях пахло мазутом и прокисшей капустой. Теплый ветерок казался сладковатым.

Меня провожала моя строгая маманя. Строгость, наверно, от профессии. Она была завучем в школе семилетке и подрабатывала у вечерников. Преподавала им русский язык и литературу.

И еще меня провожала Дина Валиева.

Я познакомился с ней на школьном вечере, когда учился в девятом классе. Это произошло 23 февраля, в день Советской армии. На вечер были приглашены девчонки из третьей женской школы, что на улице Пушкина. Школьники и школьницы учились в те времена раздельно, и совместные вечера были праздником. Девчонки являлись на них в парадных белых передниках и с белыми бантами в прическах.

Танцевать я не умел, но расхрабрился и пригласил худенькую девочку в кружевном переднике. Пару раз наступил на ее белые туфельки. Она взяла меня за руку и вывела из танцевальной сутолоки.

Мы встали у окна. На улице в фонарном свете кружились, плавно взлетали и опускались снежинки.

– Я – Дина, – сказала она и протянула узкую ладошку.

Так мы познакомились. И я влюбился без памяти.

Ходили в кино и на каток. У нее были свои коньки на красных ботиночках. В те времена они казались мне немыслимой роскошью.

Я брал коньки напрокат. Ботинки были с рыжими веревочками вместо шнурков. Чтобы они не хлябали на ногах, я туго обматывал их белой тесьмой. Получалось даже красиво.

На катке постоянно звучала музыка. Чаще всего ставили пластинку с танго «Осень» в исполнении магаданского сидельца Вадима Козина. Его к тому времени освободили, и он разъезжал с концертами по стране.

Динамик разносил слова «Не уходи, тебя я умоляю...», а я соотносил их к Дине. Думал, что бы в жизни ни произошло, я не позволю ей уйти от меня.

После катка я провожал ее домой. Жила она на улице Сталина в доме правительства. Отец Дины был республиканским министром, потому и получил квартиру в этом доме. Мы шли по заснеженным улицам, я нес ее коньки. Она рассказывала про вредную учительницу физики, про младшего хулиганистого братишку Дамира. А я читал ей стихи Сергея Есенина, к которым приохотила меня моя маманя.

Их дом был обнесен металлической оградой. Охраны не было заметно. В те времена никого не отстреливали, не похищали. Мы проходили в распахнутую калитку во двор и прощались у подъезда. Я возвращался в свою коммуналку, где жил с матерью.

Летние каникулы я провел без Дины. Её и Дамира мать увезла на Черное море. В Крыму была дача правительства Башкирии.

Моя маманя устроилась на лето воспитателем в пионерский лагерь. А я – вожатым младшего отряда. На заработанные деньги купил на барахолке пластинку с названием «Не уходи». Исполнял наше с Диной любимое танго не автор Вадим Козин, а Петр Лещенко. Я считал его эмигрантом, и лишь несколько лет спустя случайно узнал, что эмигрантом он не был, хотя и был русским.

Маманю Дина впервые увидела на вокзале, когда мы ждали эшелон. Мать взглядывала на неё и красноречиво вздыхала. Та ежилась под ее взглядом. Я взял ее под руку: все в порядке, мол, я с тобой.

– Сними, жарко, – шепнула мне Дина, кивнув на кепку.

Кепкой я прикрывал стрижку под ноль. До призыва мою голову украшала русая шевелюра. Я не жалел о ней. Но за ту неделю, что мы прожили на сборном пункте в палатках, так и не привык к босой голове. Да и кто привык? Серега Грудинин тоже напялил соломенный брыль с загнутыми полями и этим выделялся из кучи будущих курсантов Чкаловского училища зенитной артиллерии, сокращенно – ЧУЗА. С Серегой, мы, хоть и жили на одной улице, но не приятельствовали. У него своя компания, у меня – своя. Но встретившись на медкомиссии, обрадовались и старались держаться вместе.

Он как-то сразу приспособился к новому быту. Отвоевал в палатке место в углу нар. Я устроился рядом с ним. По другую сторону оказался молчаливый и весь какой-то несимметричный парнишка-мужичок.

– Зовут как? – зычно спросил его, разравнивая соломенный матрас, Серега.

– Даниял. Бикбаев.

– Откуда?

– Бурзянский.

Бурзянский район – таежная уральская глушь на севере Башкирии.

– Тоже в офицеры захотел? – продолжал допытываться Грудинин.

– Ага...

Грудинина провожали сисястая Лидуха, родимый дядя и еще куча народу. Сам он с гитарой на спине был слегка пьян и весел. Он был красавец парень и владел Лидухой на правах жениха.

Поддатый дядя уверенно стоял на кривоватых ногах – коренастый, с густой копной черных волос, в куртке с замками-молниями, из-под которой выглядывала тельняшка. В руках у него была бутылка с портвейном и граненый стакан...

Данияла Бикбаева никто не провожал. Набывчившись, он стоял в стороне и время от времени взглядывал то на нас троих, то на Серегу с Лидухой.

– Данька! – крикнул Серега, – Сено жуешь?

У Бикбаева была привычка шевелить губами, если он чувствовал себя неудобно или не знал, что делать.

Мы переименовали его имя на русский лад, и называли Данилой или Данькой.

– Кати к нам! – не унимался Серега. – Дам разок Лидуху полапать.

Та шлепнула его по губам, и он снова обхватил ее своими клешнями.

«Как родная меня мать провожала!...» – залилась гармонь, и тонкий бабий голос перекрыл перронный гомон. А Лидуха висла на Сергее, обвивала его, и, казалось, готова была отдаться ему прямо в этом многолюдье. Глядя на нее, дедок, провожавший на службу внука, чмокнул губами и прошепелявил:

– Всего высосешь, оставь маненько!

– Что мое – то мое, – откликнулась та.

– Племяш! – позвал флотский дядя. – Кончай лизаться! Айда на посошок!

Сергея подтолкнул Лидуху в круг, дядя сунул ей стакан. Она зажеманилась, но тот сказал, как гвоздь вколотил:

– Уважь!

Она отпила, передала Сергею. Тот поднес стакан к губам, но дядя остановил его:

– Погодь! – ловко достал из кармана брюк-клешей деревянный половник. Налил в него из бутылки, чокнулся о стакан.

– Армия – не фунт изюма, Серега. Лесенка там крутая, знай. Не дай никому себя обойти. Будем!

Сергея махом глотнул. Оба крикнули и утерлись ладонью.

– Милуйтесь! – приказал дядя.

«Как родная меня мать провожала-а-а...»

А мне моя маманя втолковывала, чтобы был осторожен, ни с кем не связывался и не перечил командирам. Мне было стыдно перед Диной за эти наставления. Я мычал в ответ: буду, мол, хорошим и связываться ни с кем не стану. Дина молчала, переминалась с ноги на ногу. Я видел, что ей не по себе от разногласия, от Серегиней лихости, от того, что моя маманя нет-нет, да и бросала на нее колющий взгляд: все равно, мол, сын мой, а не твой. Я так и читал ее взгляды и ощущал, как неловко от них Дине.

Лицо у матери было строгим, даже жестковатым. Волосы в этот раз она почему-то зачесала назад, и ото лба к уху заметно белел шрам.

– Волки на память оставили, – сказала она, будто отвечая на чей-то вопрос.

Шрам остался еще от послевоенных голодных времен, когда она ездила в деревню обменивать на еду кормовую соль. В те годы соль в российской глубинке была в большом дефиците. Огромные белые куски посчастливилось мамане тогда получить вместо хилой учительской зарплаты. Где-то по дороге от станции Белое Озеро к деревне Уваровка и нагнали ее волки. Перепугалась, а мешок с солью не бросила. Бежала по дороге, подгоняемая стаей, и не услышала, не увидела, как вымахнула из бурана лошадиная морда. Очутилась мать прижатой к передку председательской кошевки. Волочет она ее по дороге, а перед глазами лошадиные копыта... Обошлось, шрам вот только и остался.

– Вы прогуляйтесь, а я посижу на завалинке, – вдруг предложила она.

Завалинкой она назвала бетонные отмостки станционного здания. Назвала намеренно, назло начальнической дочке Дине, чтобы подчеркнуть, что мы такие вот, от земли, не то, что вы... Я видел, что она не хотела меня отпускать. Но переселила себя, с досадой на чужую девчонку и с демонстративным великодушием, оценить которое в первую очередь должен был я.

– Пойдем, – сказал я Дине.

Мы уходили по низенькому перрону. Миновали тепловоз и остановились на гравии у переплетения путей. И сразу отступила вокзальная толчея. Я хотел ее поцеловать, но что-то тормозило меня. Впервые мы поцеловались после выпускного вечера в школе. И через два дня поехали на служебной машине ее отца к ним на дачу на берегу речки Дёмы. Там было море ромашек на лугу и ее мама с папой. Отец спросил меня:

– Какую же ты, Леня, решил избрать профессию?

– Пойду в военное училище.

– Привлекает форма?

Если честно, то форма привлекала. Тогда она была в почете. Парень, не отслуживший в армии, даже в женихи не годился: с браком! Через два десятка лет, в годы смуты, начавшейся с горбачевской перестройки и продолжившейся в ельцинское безвременье, армию ста-

нут поливать помоями, а защитников Отечества обзывать дармоедами. Тогда и возникнет эпидемия уклонистов. Призывники станут косить от службы, покупая липовые справки и военные билеты. Смута – это период, когда можно красть, брать и давать взятки. А уклонение от службы в армии – так, мелкий грешок, почти норма поведения.

Но до перестройки было еще далеко. И я представлял себя в хромачах, в галифе и гимнастерке, перетянутой ремнями. А на плечах – золотые погоны. И вспоминал при этом песню, которую пели бабы уже после того, как давно кончилась война, и я мог переваривать и запоминать услышанное:

*...С золотыми погонами,
И вся грудь в орденах...*

Бабы пели и плакали. А я уж точно знал, что придет срок, и я появлюсь в Уфе в этих самых золотых погонах и пройду гоголем по улице Ленина, сверну на улицу Сталина – и вниз, до дома правительства, где встречу с Диной.

... Мы стояли на перехлесте путей. Она была грустная, как ромашка, заплутавшаяся на берегу.

– Я нашу пластинку с собой взял, – сказал я. – Стану слушать и посылать тебе: не уходи!

– Не уйду. Ждать буду.

Мы замолчали. Я притянул ее к себе. Она готовно прильнула. Затем спросила:

– Ты сильный?

Лишь через годы я понял этот вопрос. А тогда вместо ответа стал осыпать ее лицо поцелуями.

С перрона неслось: «Как родная меня мать – эх! – провожала-а...»

Салаги – первокурсники

Серегу, Даньку и меня распределили в батарею, которой командовал капитан Луц. Наутюженный, в начищенных до блеска сапогах и в гимнастерке с орденами и медалями, он приходил на утренний развод, словно собрался на парад. Было ему лет тридцать, не больше, а уже седой. Голоса никогда не повышал, но говорил, как гвозди вколачивал. Ослушаться комбата, тем более перечить ему никому и в голову не приходило. Не то, чтобы боялись, а уважали за награды и седину.

В тот раз тревогу он объявил задолго до рассвета. Механиками-водителями тягачей были курсанты второго курса. Они уже имели водительские права. Мы – номерами орудийных расчетов. Даня и я – наводчики по горизонтали и вертикали. Серега исполнял обязанности командира расчета.

В чем-то я тайно завидовал Сереге Груднину. Его способности постоять за себя в любой обстановке, быть всегда на виду у начальства. И даже умению играть на гитаре и прилично петь...

В учебный центр батарея прибыла еще затемно. Не успело брызнуть солнце, а мы уже приступили к оборудованию переднего края.

Попросту говоря, рыли длинную, с изломами траншею с орудийными двориками для 57-миллиметровых зениток. То было плановое занятие по тактике. Учебный вопрос именовался длинно и мудрено, но суть была конкретная: на нашу огневую позицию напал неприятельский десант, и мы должны были разгромить его решительно и бесповоротно.

Противник десантировался на песчаную проплешину, сиявшую почти у самой вершины поросшего рыжей колючкой бугра. Держа карабины наперевес, мы выскакивали из траншеи и с яростью кидались наверх. Но голос комбата вновь и вновь «выводил нас из строя». Мы откатывались назад и опять закапывались в землю.

Завтрак старшина Кузнецкий привез нам в поле еще на рассвете – сухой паёк из банки рыбных консервов, пачки галет на двоих и двух кусков сахара. Само собой, что уже через три часа от сытости остались одни воспоминания. В предвкушении нормального обеда мы обрушивались на ни в чем неповинную проплешину и осатанело крушили условного противника. К часу дня добили его и умотались вусмерть.

В училище возвращались «пеше – по-машинному», так именовался быстрый походный шаг.

Старшина батареи был свой же брат – курсант, только с третьего последнего курса. Вредный был старшина Кузнецкий. Глядел на первокурсников, прищурившись, словно он крокодил, а мы – мелкая живность.

Перед обедом он построил батарею повзводно: впереди – выпускники и второкурсники, а мы, салаги, в самом конце. Старшекурсников отправил в столовую, а нас оставил.

– Курсант Груднин!

– Я! – выкрикнул Серега и отпечатал два четких шага из строя.

– Пятнадцать минут строевой подготовки! Занимайтесь с взводом!

– Слушаюсь.

Боже, как же не хотелось заниматься шагистикой! Гудели ноги и руки, хотелось жрать, как из пушки, а тут...

– Р-р-ра-йсь! Сыр-р-ра-а!.. Отставить!

Красиво командовал Серега. А строй исполнял его команды некрасиво. Старшина сплюнул и вмешался:

– Вы – что, салаги? Из института благородных девиц? Как держите головы? Подбородки – выше! Курсант Бикбаев, опять спите?

– Никак нет, – бодро ответил Данька.

Даня любил поспать. Это все знали. Однажды на классных занятиях по противохимической защите мы долго сидели в противогазах. Потом преподаватель скомандовал снять их. Мы с облегчением стащили маски, и лишь Даня, упершись рукой в подбородок, поблескивал противогазовыми очками.

– А вас, Бикбаев, не касается?

В классе повисла тишина, и в ней мы слышали спокойное похрапывание...

Но в этот раз он не спал. Стоял рядом со мной по правую руку и тарасился на старшину раскосыми карими глазами.

– Чего уставились, Бикбаев? – голос Кузнецкого всегда отливал металлом. – Я вам не девка с голыми титьками! Курсант Грудинин, спал Бикбаев в строю или нет?

– Так точно, спал! – громко выкрикнул Серега.

Я уставился на него. Он что, спятил?

– Курсанту Бикбаеву за нарушение дисциплины строя..., – с паузой объявил старшина, – два наряда вне очереди! Чистить галюн!

За что он невзлюбил Данияла, я не понимал. Конечно, по сравнению с городскими ребятами, он выглядел тугодумом. Но был старательным и добрым.

– Что вы жуετε губами, Бикбаев? У вас что, во рту мухи сношаются? – продолжил Кузнецкий. – Должны ответить: «Слушаюсь».

– Слушаюсь, – произнес Данька.

– А вы, Дегтярев, чего мотаеете головой, как лошадь на параде? – Это уже я попал в поле зрения старшины. – Что за скотские манеры? Один жует, другой головой мотает!.. Чтобы служба не казалась медом... – раздельно, словно подавая предварительную команду, отчеканил Кузнецкий, – нале-э-ву! Шагом... арш!.. Командуйте, Грудинин!..

Вечером мы сидели в кубрике – так, на матросский лад, называли свой казарменный отсек. По велению старшины мы с Бикбаевым держали раскрытым устав внутренней службы и делали вид, что читаем его. Грудинин подшивал свежий подворотничок и время от времени взглядывал на нас. Вдруг Данька встал, подошел к нему. Тот поднял голову:

– Что скажешь?

– Сукур чебен! – и пошел на место.

– Что ты сказал? – оторопел тот.

– Гнус! – не оборачиваясь, проговорил Данька.

У Грудинина дернулась щека.

– Ты, Колода! Ну-ка повтори!

Прозвище «Колода» Бикбаев заполучил с легкой руки Грудинина еще в «карантине», когда мы проходили курс молодого бойца. Кто-то разгадывал кроссворд и спросил:

– Сборник карт – что?

– Колода, – не задумываясь, ответил Даниял.

– Сам ты Колода, – вмешался Серега.

Прозвище так и осталось...

– Повтори, Колода! – процедил Грудинин.

– Ты гнус!

Грудинин встал и двинулся на Даньку.

Я видел, что силы не равны. Бикбаев на полголовы ниже. Даня стоял бычком в готовности и глядел, как тот надвигается.

Не знаю, что меня подняло с табурета, храбрецом я себя не считал. Но что-то толкнуло. Вскочил и с разгона влепил Сереге по красным губам. Он не ожидал нападения, отлетел к кроватям, ударился головой о спинку.

Поднялся, двинулся на меня. Я схватил табурет, выставил перед собой и завопил:

– Подойди только!

И тут же услышал:

– Курсант Дегтярев!

На входе в кубрик стоял старшина Кузнецкий:

– Грудинин, идите в умывальник и приведите себя в порядок. А вы, Дегтярев, через полчаса – в канцелярию батареи!

Даня пробормотал:

– Однако не надо тебе было... Я сам бы...

Грудинин явился из умывальника с мокрыми волосами и распухшими чистенькими губами. Глянул на нас исподлобья и опять принялся пришивать подворотничок.

В канцелярию я шагнул минута в минуту.

– Опоздали на сорок секунд, – объявил старшина и стукнул ногтем по циферблату своих часов.

Я не стал возражать. Стоял, уставившись на портреты Ленина и Сталина. И явственно ощущал, что старшина Кузнецкий разглядывает меня ровно букашку. Затем он сказал, разделяя каждое слово:

– Офицер, не научившийся подчиняться и соблюдать воинские уставы, армии не нужен. Вывод: будущий лейтенант Дегтярев не нужен тоже.

Секунды заколотили в голову: отчислят, отчислят... Я чувствовал, как обволакивает всего замешанная на злобе паника. На злобе к этому старшекурснику и к красавцу Грудинину. Слабым проблеском в мутном сознании мелькнуло: отслужу срочную и вернусь в училище.

– Вас Грудинин оскорбил? – продолжал пытку Кузнецкий.

– Никак нет.

– Почему же вы кинулись на него с табуретом?

– Бикбаев обозвал Грудинина, а тот...

– Не вижу логики, Дегтярев! Один обзывает образцового курсанта, другой бьет. А если бы я не вмешался?..

Прежде чем отпустить меня, он сделал паузу, вновь поглядел, как на букашку. Наконец, махнул рукой, и лицо его приняло брезгливое выражение.

Даня встретил меня, виноватый и грустный, и от его взгляда мне стало совсем тошно.

После старшины меня воспитывал командир взвода старший лейтенант Воробьев. Беззлобно, почти равнодушно, словно бы выполнял неприятную обязанность. Скорее всего, так оно и было. Наш взводный стал недавно чемпионом Южно-уральского военного округа по десятиборью и постоянно пропадал на тренировочных сборах. И то, что происходило во взводе, ему, похоже, было до лампочки.

Вечером меня пригласил на беседу командир батареи капитан Луц. На «беседу» он не вызывал, а «приглашал».

Я переступил порог его кабинета и по уставу доложил о прибытии.

– Садитесь, рассказывайте, – показал он на стул.

Я не мог выдавить из себя ни слова. Уставился на пепельницу, вырезанную из снарядной гильзы, и не отрывал от нее глаз. Комбат тоже молчал. Наконец, я открыл рот:

– Виноват.

В этот момент и раздался стук в дверь.

– Разрешите войти? – Грудинин вырос в проеме, лихо вскинул руку к козырьку: – Я по поводу конфликта.

Комбат с любопытством глянул на него.

– Слушаю вас.

– Виноват во всем я, товарищ капитан.

И стал рассказывать, как всё было. Ничего не утаил. Даже о том, что старшина Кузнецкий объявил Бикбаеву два туалетных наряда несправедливо.

У меня было такое ощущение, будто не я, а кто-то другой, со стороны, наблюдал всю эту картину. Мне казалось, что в глазах комбата прячется усмешка.

Закончил Сергей словами:

– Готов понести любое наказание.

– Хорошо, – сказал капитан Луц. – Свободны.

Когда тот вышел, спросил меня:

– Где отец-то ваш погиб?

– В Прибалтике.

– Тоже артиллеристом был?

– Дивизионом командовал.

– И я в Прибалтике воевал. Командиром расчета ЗПУ. Родные для меня места.

Он сделал паузу и неожиданно для меня перешел на «ты».

– Как ты в школе учился?

– Средне.

– В училище пошел по желанию?

– Так точно.

– Я наблюдал за тобой. Но особого рвения и способностей пока не заметил. Вопросы или просьбы есть?

– Не отчисляйте из училища.

– Не отчислим...

Во мне дрогнуло все сразу. Я вдруг увидел на стене картину с беспокойным морем и силуэтом корабля вдалеке. Тикали ходики с гирькой на цепочке и немецкими буквами на циферблате, наверно, еще трофейные. По кабинету плавал табачный дым.

– Иди, Дегтярев. Месяц без увольнения в город...

Я вышел, словно хлебнувший хмельного. Верный Даня топтался поблизости. Увидев меня, спросил шепотом:

– Списывают?

Я тоже ответил шепотом:

– Нет.

– На губу?

– Нет.

– А куда?

– Никуда. Месяц без увольнения. Грудинин все на себя взял...

На вечерней поверке я извинился перед Грудининым, на этом настоял Кузнецкий. Сергей по собственной инициативе извинился перед Бикбаевым. А старшина, скрипя зубами, отменил ему туалетное взыскание.

С Серегой потихоньку все утряслось. Он сам подошел к нам:

– Не казните, земляки!

– Чего там, – буркнул Даня.

Я сказал:

– Ты молоток, Серега!

Мы трое были земляками. А земляки в армии – почти родня. Да и благодарен я был ему. Не побоялся, выручил...

Месяц неувольнения – тьфу! Я и так не рвался в город.

У меня была Дина, и знакомиться с другими девчонками я не собирался. Данька в знак солидарности со мной тоже не записывался в увольнение. Зато мы с ним записались в секцию

бокса. Благо, физкультура и спорт были в нашем училище в большом почете. По утрам мы с Данькой вставали за полчаса до подъема и нарезали круги по беговой дорожке на стадионе.

В воскресные дни я сидел в ленкомнате, писал мамане короткие письма-донесения и сочинял Дине длиннющие послания. В ответ же получал от нее тоже что-то вроде донесений: про лекции в институте, про незнакомых мне студентов – и лишь в самом конце – люблю...

Когда это было?.. Время прошло белое краской по головам. Белые снега запорошили хоженные тропы. Белые ветры разметали нас по белу свету. Но мальчишки остаются мальчишками, сперва взрослыми, затем седыми и старыми...

По весне, в конце первого курса, мы участвовали в бригадных учениях. Несколько суток наша батарея перепахивала полигонное поле. Наверху писали приказы и придумывали вводные. Выпускники были командирами, а мы все – рядовыми. Куда прикажут, туда и перемещались. Закапывались в землю, отражали налеты авиации «противника», бросали готовые оружейные дворики и опять куда-то ехали, чтобы закапываться снова.

Это называлось «производить инженерное оборудование». К исходу четвертых суток мы произвели пятое или шестое такое оборудование. Забрались после несытного походного ужина в палатку и, перебрасываясь словами, слушали, как шуршит о брезент мокрый снег.

Я намаялся, лежал с закрытыми глазами и видел улицу Пушкина в Уфе, мохнатый и медленный снег, покрывавший тротуар белой пуховой шалью. На ней четко выделялись две пары следов: Динины и мои... Еще видел вокзальный перрон и перехлест путей, где мы стояли с ней, покинув маманю.

– Ты сильный? – спросила она.

На такие вопросы не отвечают. И я не ответил. Хотя и был самым сильным в тот миг и мог сделать все, что она пожелает.

– Надеюсь, что сильный, – сказала она. Обхватила мою голову и поцеловала как-то очень уж по-взрослому – в лоб, в щеки. И в губы, так что помутнело в глазах.

На грешную землю меня вернул старшина Кузнецкий. Он был дублером нашего взводного старшего лейтенанта Воробьева, который снова воевал на спортивных сборах. Старшина возник в палатке посланцем дьявола и произнес бодреньким голосом:

– Связистов вывел из строя посредник. Со штабом связи нет. Желющие прогуляться, двое!

«Прогуливаться» по такой погоде никто не желал.

Я ужасся, стараясь не шевелиться, чтобы не попасть в поле зрения старшины. И услышал голос Грудинина:

– Я готов, товарищ командир, – Кузнецкому нравилось, когда его называют командиром.

– Кто еще?

С тоской взглянув на Сергея, я поднялся. Собственно, мог и лежать, завернувшись в плащ-накидку, но какая-то сила вытолкала с места, и я обреченно ей подчинился.

В поле шел дождь со снегом. Случается весной такая погодная несурезица – ни просвета в небе, ни надежды, что такой просвет появится.

Сергей взвалил на плечо телефонную катушку и споро зашагал в темноту. Мы шли вдоль линии связи, утопая в грязи по кромке глинистого, с рыхлыми снежными островками оврага. Шли бесконечно долго, пока не наткнулись на обрыв в линии. Это тоже была вводная: метров пять провода были аккуратно вырезаны. Устранили повреждение и зашагали обратно под нудной рассыпчатой моросью.

– Ты Лидуху помнишь? – спросил вдруг Сергей.

Конечно, я помнил Лидуху, обнимавшую Серегу в вокзальной толчее. С чего бы он заговорил про нее?

– Надоело письма ей сочинять.

Мы вышли на дорогу, перепаханную тягачами. Зашагали по грязному месиву. Невдалеке, нарушая все инструкции по маскировке, вспыхнула фара. Сергей остановился. Я тоже. Его прихваченное светом фары лицо показалось мне грустным или просто задумчивым, что было Сереге совсем несвойственно.

Фара погасла, и ослепила темнота.

– У тебя, Ленька, как в уставе, – сказал он. – Кончишь училище. Твоя студентка – институт. Поженитесь... Слушай, а ведь вы не поженитесь. Знаешь, почему? Потому что долгие разлуки нам не по зубам. Естество свое потребует.

– Не потребует.

– Ты баб еще не знаешь.

– А ты знаешь?

– Даже красавица не может дать больше того, что у нее есть.

– Причем здесь красавица?

– К слову пришлась. Дядино выражение.

– Он женат?

– Разведенный. Пока плавал, жена хахаля завела. Он их и застукал. Ну, и отходил ремнем с флотской пряжкой чуть не до смерти. Судили. Условно три года дали. Ордена помогли.

– Не женился больше?

– Нет. У него на эту тему теперь своя философия. Когда выпьет, всегда повторяет: брак – территория с глухим забором. Кто снаружи, интересно зайти внутрь, а те, кто внутри, хотят выбраться наружу. Мне нравится.

– Мне – нет.

– Серега криво усмехнулся и промолчал.

Флотский дядя был братом матери Сергея. Та умерла при родах. Отец куда-то завербовался и сгинул. Малыша забрала бабушка. Распрощавшийся с морем дядька взял его под свою мужскую опеку.

– Ты что-то про Лидуху говорил, – напомнил я Сереге. – Ты ее любишь?

– С Лидухой нас связывало только траханье. Были бы рядом – может, и притерлись. А так – на хрен она мне нужна?

– Ты напиши ей, чтобы не надеялась.

– Зачем? Еще отпуск впереди...

После отпуска Сергей все же послал Лидухе прощальный привет. К тому времени он уже стал сержантом и командиром нашего расчета. Но до отпуска было еще далеко, как и до лычек на погонах.

Серега бегал по ночам в самоволку в детский садик, которым заведовала глазастая юная дамочка. Садик находился сразу за училищным забором. Я же исполнял обязанности сторожа. Если кто-то из начальства интересовался Сергеем, мчался сломя голову к ним, и через пять минут самовольщик был на месте: входил в кубрик без ремня и в сапогах на босу ногу, вроде бы из туалета...

Антилопа глазастая

В те времена женихи в погонах были нарасхват. Девчонки напропалую клеили курсантов в надежде стать офицершами. В одно из воскресений мы с Данькой получили законные увольнительные и отправились на Беловку. Так называлась березовая рощица, раскинувшаяся на берегу Урала. Там и засекли нас две смешливые подружки. И, наверно, заранее нас распределили. Глазастая и языкастая окликнула:

– Курсанты, пирожков хотите?

Мы хотели пирожков. И с ливером, и с капустой. Запасливые подружки даже прихватили из дома термос с чаем.

Глазастую звали Ольгой. Пухленькую блондиночку, которая, как я понял, предназначалась мне, Сталиной...

Наш роман с ней ограничился пирожками. А Данька влюбился в глазастую мгновенно и надолго.

Увольнений в город ждал, как манны небесной. Назанимал у курсантов денег. У меня – два рубля, у Сереги – целую десятку. Грудинин был самым богатым из нас, флотский дядя ежемесячно высылал ему 10–15 рублей. Данька не скрывал, что деньги ему нужны, чтобы купить Ольге букет и сводить ее в кафе. В общем, проводил он с ней все свои увольнительные дни.

Так было, пока он не привел ее в училищный клуб на вечер отдыха.

Вечера отдыха были отдушиной в напряге учебных будней. Их приурочивали к какой-либо дате. Этот вечер пришелся на канун Первомая. У КПП кучковались девчонки. Надеялись, вдруг кто-то из курсантов, не успевших обзавестись подружкой, выйдет и проведет на вечер. У некоторых надежды сбывались.

Как и положено, вечер начался с концерта курсантской художественной самодеятельности. Участвовал в нем и Серега Грудинин. На него девки всегда западали: красавчик! Темноволосый, смуглолицый, с прямым крупным носом и с грешными губами. Его вызвали на «бис», когда он спел под гитару про ту, что рядом, но «все ж далека, как звезда». На «бис» он исполнил свою, курсантскую:

*Крутится, вертится шарик земной,
Вместе с расчетом и вместе со мной.
В небе крадется шпион-самолет,
Полк наш зенитный шпиона собьет.*

Не знаю, кто сочинил слова. Песня перешла к нам по наследству. Сереге снова долго хлопали. Но ведущий уже объявил акробатов...

После концерта начиналось самое главное – танцы под радиолу. В зале надзирал за порядком лысоватый капитан с медалями на кителе, начальник клуба. В будке с радиолой сидел главный училищный комсомолец весельчак и балагур капитан Вьюнов. Ему я, как обычно, отдал свою пластинку, чтобы пару раз он прокрутил ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.